

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СТРУКТУРЫ СОБСТВЕННОСТИ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Доказывается, что основной причиной экономического упадка лесной отрасли России является конфликт интересов собственника (государства) и пользователя (арендатора) лесных земель. Показано, что институт аренды является барьером для проведения эффективной лесоводственной деятельности. Дается оценка советскому лесному хозяйству как первоисточнику институциональной системы современной России. Предлагается альтернативный вектор развития отрасли, ориентированный на рыночные механизмы.

Ключевые слова: лесная отрасль; экономические стимулы; частная собственность; государственная собственность; институционализм; институт аренды; эффект «колеи».

D.A. Litvin, G.V. Davydova

ON THE NECESSITY OF INSTITUTIONAL REORGANIZATION OF THE RUSSIAN FOREST INDUSTRY OWNERSHIP STRUCTURE

It is proved that the main reason for the economic decline of the Russian forest industry is the conflict of interests of the owner (state) and the user (tenant) of forest lands. It is shown that the institution of lease is a barrier to effective forestry activities. The assessment of the Soviet forestry as the primary source of the institutional system of modern Russia is given. An alternative vector of development of the industry, focused on market mechanisms, is proposed.

Keywords: Forest industry; economic incentives; private property; state ownership; institutionalism; lease institution; path dependence.

Россия занимает первое место в мире по размерам площади лесов — 815 млн гектаров. Однако лесная отрасль России не является конкурентной ни на международной арене (в объеме мировой торговли порядка 3 %), ни на внутреннем рынке, среди прочих промышленных отраслей (доля в ВВП страны менее 0,5 %). Годовая выручка предприятий лесной отрасли составляет порядка 760 млрд р., при этом чистая прибыль предприятий ~ 3 % от выручки. Вероятно, учитывая объем регуляций и экспортных пошлин, следует ожидать хороший бюджетный эффект? Нет, за 2019 г. расходы федерального бюджета (42,3 млрд р.) превышают доходы от платы за использование лесов (34,4 млрд р.) и это при ежегодном росте арендных платежей.

Однако, если изменение данных показателей — это вопрос изменения структуры спроса и предложения в краткосрочном периоде, то уменьшение стоимости

лесных участков — это невозполнимая на короткой дистанции потеря. Потеря стоимости — это результат смены хвойных пород лиственными, постоянный рост логистических издержек в структуре расходов из-за пренебрежения неистощительным лесопользованием, огромные непроизводительные потери и теневой сектор.

Цели данной работы — обозначить основную причину вышеизложенного положения дел и определить вектор реформирования сложившейся ситуации.

Соответствующие данной цели задачи:

1. Институциональная оценка состояния лесной отрасли России.
2. Выделение основных институциональных предпосылок сложившейся ситуации в рамках эффекта path dependence.
3. Теоретический анализ институциональных сценариев регулирования отрасли.

Следующие методы применяли для достижения поставленной цели и решения задач:

1. Экономический и институциональный анализ.
2. Описание институционального состояния отрасли с помощью моделирования.
3. Индуктивный метод, в качестве ссылок на эмпирические исследования.
4. Дедуктивный метод, в качестве подтверждения гипотезы исследования априорными экономическими законами.

Обратимся к схематичному моделированию эксплуатационной (рис. 1) и лесоводственной (рис. 2) деятельности, определяющему значение стоимости лесного участка [1].

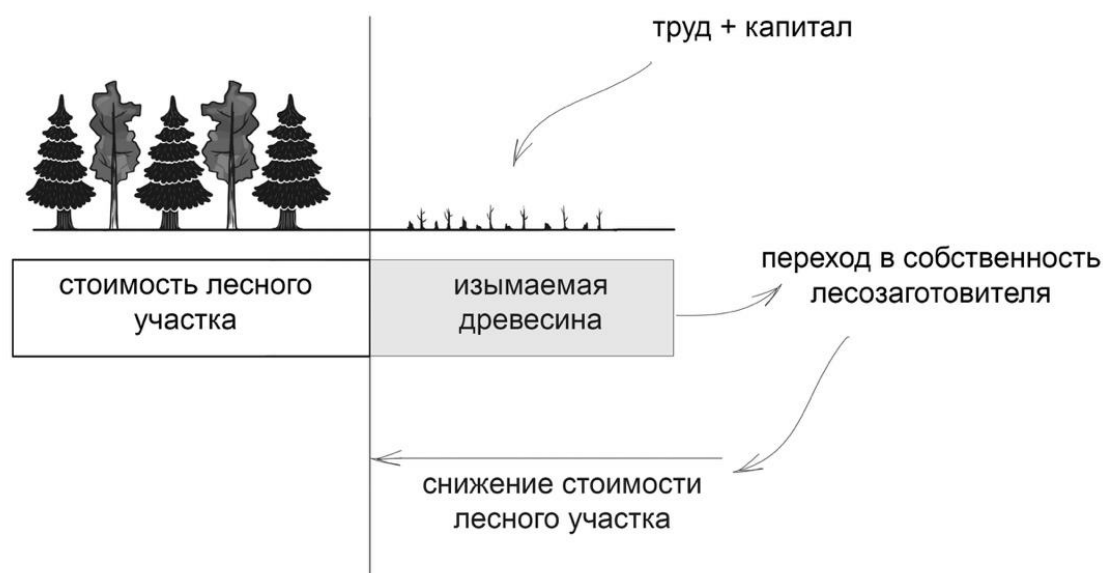

Рис. 1. Содержание эксплуатационной деятельности

Содержание эксплуатационной деятельности подразумевает использование правомочия изъятия с помощью применения труда и капитала для получения в собственность распоряжения древесины. Стимулы для такой деятельности, как и

для любой другой экономической деятельности, зависят от нормы окупаемости, рентабельности и прибыли. Порог рентабельности определяется через окупаемость затрат на заготовление древесины и арендной платы, в случае российской лесной отрасли. Так как наиболее релевантным для эксплуатации видом экономической деятельности в лесной отрасли России — является заготовка древесины на участке, арендованном сроком до 49 лет. Итак, смоделированное содержание эксплуатационной деятельности соответствует и может осуществляться в институциональных реалиях России, учитывая отсутствие явных барьеров для такой деятельности. Другой вопрос — качество и характер данных процессов зависит от целого комплекса факторов.

Рис. 2. Содержание лесоводственной деятельности

Лесоводственная деятельность включает весь спектр работ по улучшению качества лесов, от базового лесовосстановления и рубок ухода, до моделей и механизмов управления лесным хозяйством. Лесная отрасль — отличается относительно большим периодом окупаемости инвестиций, учитывая финансовый период спелости отдельных пород насаждений, особенно наиболее ценных. В соответствии с действующим лесным кодексом именно арендатор несет ответственность за лесовосстановительные работы, а следовательно, и основные издержки лесоводственной деятельности ложатся на его плечи [2]. Однако леса в России — это федеральная собственность государства, а лесоводственная деятельность направлена на увеличение стоимости лесного участка. Преференции наличия у лесного участка будущей стоимости реализуются через правомочие распоряжения так как лесной участок — это определенный актив. Арендатору по определению правомочие распоряжения не доступно, так как арендуется лишь возможность владения и изъятия лесных ресурсов.

Из вышесказанного следует, что арендатор не имеет экономических стимулов для осуществления лесоводственной деятельности, что можно считать явным барьером на пути реализации данной модели. Соответственно, институт аренды лесных участков в эксплуатационных целях — главная причина потери стоимости

лесных участков в долгосрочной перспективе. Несмотря на то, что современные государственные планы по искусственному лесовосстановлению перевыполняются — на практике институт аренды не дает разорвать «эффект колеи» безответственного отношения частного субъекта к лесоводственной деятельности.

Причины упомянутого эффекта колеи (*path dependence*) сформированы институтами советского лесного хозяйства. Во второй половине XX в. лесозаготовка СССР составляла более 350 млн кубометров в год, что является беспрецедентным показателем, учитывая уровень технологий того времени. Однако, если принять во внимание отказ СССР от цены леса на корню параллельно с отказом от принципа постоянного пользования, вырубки таких объемов выглядят закономерно. После первых тревожных сигналов (ухудшению гидрологического режима из-за сплошных рубок вдоль рек) в Советском Союзе обратили внимание на вопрос лесовосстановления [3].

Несмотря на общепринятое мнение об эффективности лесоводственной деятельности СССР, проводимые лесовосстановительные мероприятия часто не покрывали и половины вырубленной площади. Так, за семилетку (1959–1965) в гослесфонде посеяли и посадили леса 6 472,6 тыс. га, что составило 45 % к вырубленной за эти годы площади 14 245,7 тыс. га [4]. Более того, институциональный характер лесоводственных мероприятий, подразумевавший выполнение плана формировал соответствующее отношение (неформальные институты) к лесовосстановительной деятельности. Это отразилось в недостаточных и неточных рубках ухода (прочисток и осветления), в чрезмерном создании лесных культур в тех условиях, где, итак, хорошо шло естественное возобновление и т.д.

Государство и частный экономический агент, как известно, отличаются набором характерных особенностей. Государство не может принимать во внимание экономические риски также, как *homo economicus*, рискующий своей собственностью. Государство игнорирует важность конкуренции и рыночного ценообразования, регулируя отдельные элементы спроса и предложения.

Государство экономически не ориентировано на долгосрочную перспективу. Несмотря на то что бытует мнение о краткосрочных выгодах частного и бескорыстности государства, в реальной экономике все происходит с точностью до наоборот. Долгосрочность государства предполагает либо специальное планирование (лесовосстановление в СССР), либо значительное вливание ликвидности для осуществления инвестиции с неопределенным периодом окупаемости. Во-первых, такие инвестиции часто действительно не окупаются в рамках общественного благосостояния, во-вторых, экономисты давно доказали, что даже со строительством дорог и маяков частные агенты могут справляться эффективнее государства.

Что касается возможности государства планировать, в России — это представляет *ex ante* политику (политика по правилам), что предполагает временную несогласованность (*time inconsistent*). Это означает, что государство выполняет план, сформулированный на начальную дату, в то время как рынок уже кардинально изменился. Более того, кроме непосредственно временных лагов, распространенных в лесной отрасли, сами планы государства всячески ограничивают частнопредпринимательскую инициативу. Например, полный запрет на

экспорт необработанного сырья (круглый лес) в России, вступающий в силу с начала 2022 г.

Получит ли государство увеличение добавленной стоимости лесопroduкции? В краткосрочной перспективе — вероятно да, вместе со справедливой реакцией рынка, которая будет примерно следующей. Рост теневой заготовки, монополизация рынка из-за ухода части мелких предприятий (отсюда: потеря рабочих мест, части создаваемого продукта и бюджетного эффекта). В случае ограничения вывоза хвойных балансов — затоваренность рынка и снижение их стоимости, что приведет к спаду лесозаготовки и перераспределению затрат на другие сортименты, соответственно, увеличение их стоимости и повышение производственных издержек. Природа рынка такова, что за любыми формальными изменениями следует соответствующий мультипликационный эффект, подобный «эффекту бабочки».

Таким образом, на протяжении почти целого века складывались неформальные институты, и как показывает практика успешно сложились, отношений к лесному хозяйству с позиции государства. Сегодня даже ограниченные и фактически лишённые стимулов к лесоводственной деятельности арендаторы, взяв на себя ответственность за некоторые правомочия формируют зачатки неформальных практик ведения лесного хозяйства. Тем важнее становится потребность проведения грамотной институционально-экономической политики. Исследования международного рынка подтверждают, что в странах с аналогичной структурой лесного массива (Канада, Финляндия и др.) могут эффективно сосуществовать институты частной собственности и государственного регулирования (стимулирования) [5].

Стоимость и ценность лесной отрасли (лесных участков и древесины) непосредственно связаны. Как известно, стоимость зависит от спроса (внешнего и внутреннего), но и сам спрос формируется ценой. Цена зависит от расходов, заложенных в производимый продукт. Жизненно важная статья расходов для лесной отрасли — это вся лесоводственная деятельность, от которой зависит увеличение стоимости участка (своего рода амортизация). При исключении или ненадлежащем исполнении лесоводственной деятельности, в долгосрочной перспективе лес теряет свою ценность из-за уменьшения стоимости лесных участков. С помощью схематических моделей показано, что в России существуют явные барьеры для осуществления лесоводственной деятельности.

Институт аренды лесных участков противоречит институтам, возлагающим ответственность за лесовосстановление на арендаторов. У арендатора лесных участков нет экономических стимулов для нерентабельных инвестиций в собственность государства без возможности ей распоряжаться. Сложившаяся ситуация чрезмерного регулирования отрасли государством (формальные институты) и сформировавшееся безответственное отношение арендаторов к лесному хозяйству (неформальные институты) следствие влияния эффекта «колеи».

Перед современной лесной отраслью России стоит выбор, сослаться на ресурсное проклятье, продолжая столетнюю традицию экстенсивного лесопользования и пытаться отгородиться от международных рынков, ограничивая правомочия арендатора. Или проводить политику стимулирования с применением рыночных механизмов оценки стоимости ресурсов, реформировать институциональную

структуру лесоводственной деятельности и создавать институциональный плацдарм для расширения спектра доступных правомочий наиболее эффективным частным предпринимателям.

Список использованной литературы

1. Чувасов Е.В. Переход от лесопользования к лесному хозяйству / Е.В. Чувасов // ЛесПромИнформ : специализированный информационно-аналитический журнал. — 2019. — № 6 (144) — С. 24–29.
2. Лесной кодекс Российской Федерации : федер. закон от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.). Ст. 62, п. 5.
3. Книзе А. О двух точках зрения на российский лес и лесное хозяйство / А. Книзе, Б. Романюк // Устойчивое лесопользование. — 2004. — № 3. — С. 2–7.
4. Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства / В.Я. Колданов. — М. : Экология, 1992. — 256 с.
5. Пыжев А.И. Влияние режима собственности на леса на эффективность лесопользования: межстрановой анализ / А.И. Пыжев // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2019. — Т. 11, № 3.

Информация об авторах

Литвин Дмитрий Александрович — аспирант, кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: dima.lit99@gmail.com.

Давыдова Галина Васильевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: DavydovaGV@bgu.ru.

Authors

Dmitry A. Litvin — Post-Graduate Student, Department of Industrial Economics and Natural Resource Management, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: dima.lit99@gmail.com.

Galina V. Davydova — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Industrial Economics and Natural Resources Management, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: DavydovaGV@bgu.ru.